

Moskva–Berlin, 2015.

7. Khalippa I. N. Mecheti, prevrashchennye v tserkvi v predelakh Bessarabii (1808–13 gg.). In: Trudy Bessarabskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii. T. I. Kishinev, 1900.

8. Khalippa I. N. Svedeniya o sostoyanii tserkvey Bessarabii 1812–1813 gg. In: Trudy Bessarabskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii. T. III. Kishinev, 1907.

9. Magola A. Daniil, al 18-lea mitropolit al Proilaviei. In: Patrimoniul cultural al județului Tighina. Chișinău, 2003.

10. Magola A. Mitropolia Proilaviei: o scurtă

prezentare. In: Patrimoniul cultural al județului Tighina. Chișinău, 2003.

Alexandr Ponomariov (Kiev, Ucraina). Doctor în istorie, Arhiva Istorică Centrală de Stat din Ucraina.

Александр Пономарёв (Киев, Украина). Кандидат исторических наук, Центральный государственный исторический архив Украины.

Alexandr Ponomariov (Kiev, Ukraine). PhD in History, Central State Historical Archive of Ukraine.

E-mail: mihalych1878@gmail.com

Светлана ВАСИЛЬЕВА

РЕГИСТРАЦИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИН ЗАБАЙКАЛЬЯ (20–30-Е ГГ. XX В.)

Rezumat

Înregistrarea comunităților credincioșilor ruși de rit vechi în regiunea Transbaikalia (anii '20–'30 ai secolului al XX-lea)

În articolul dat este prezentată istoria formării etapei noi a relațiilor dintre comunitățile religioase și puterea sovietică în 1920–1930. O atenție deosebită se acordă realizării primelor decrete ale guvernului sovietic care au definit statutul juridic al comunităților de rit vechi din regiunea Baikal. Sunt analizate fapte interesante despre activitatea interconfesională a comunităților de rit vechi în perioada înregistrării lor.

Cuvinte-cheie: credincioși de rit vechi, legislația sovietică, propaganda ateistă, înregistrarea comunităților.

Резюме

Регистрация старообрядческих общин Забайкалья (20–30-е гг. XX в.)

В статье представлена история формирования нового этапа отношений между старообрядческими религиозными организациями и советской властью в 1920–1930-е гг. Особое внимание уделяется реализации первых декретов советского правительства, которые определяли правовой статус старообрядческих общин в Байкальском регионе. Рассмотрены интересные факты о внутриконтрессиональной деятельности старообрядческих общин в период их регистрации.

Ключевые слова: старообрядцы, советское законодательство, атеистическая пропаганда, регистрация общин.

Summary

Registration of the Old Believers communities of Transbaikalia (20–30th of the XVIII century)

The history of the formation of a new stage of the relationship between Old Believers' religious communities and the Soviet Government in 1920–1930 is described in the present article. Special attention is paid to the implementation of the first decree of the Soviet Government, which determined the legitimate status of the Old Believers' communities in the Baikal Region. The author reveals interesting facts about the inter-confessional activity of the Old Believers' communities during the period of their registration.

Key words: Old Believers, Soviet legislation, atheistic propaganda, registration of communities.

Во взаимоотношениях с государственной властью староверие на протяжении всей истории своего существования демонстрировало способность адаптироваться к различным, даже самым неблагоприятным условиям. Важнейшим фактором этих взаимоотношений являлось присущее большинству старообрядческих согласий умение соединять в своей деятельности и воззрениях противоположные тенденции: оппозиционность и законопослушность, стремление к замкнутости и обособленности от государственных структур, готовность к диалогу с ними. Одним из первых шагов в рамках законодательства о культах явилось создание системы учета религиозных объединений путем их регистрации в местных органах исполнительной власти, что стало обязательным условием их легальной деятельности. Регистрация религиозных общин была введена на основании декрета ВЦИК и СНК «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не пре-

следующих цели извлечения прибыли» [2, с. 42]. В ответ на разрешение государства отправлять культ верующие обязаны были предоставлять исчерпывающие сведения о себе.

Старообрядческие общины Байкальского региона в вопросах регистрации не были едиными и в силу ряда причин действовали не одновременно. Относительно спокойно пошли на регистрацию общин последователи Белокриницкой иерархии. Порядок проведения регистрации общин на местах было поручено установить Старообрядческому Совету при Архиепископии в Москве, который рассылал все распоряжения по епархиям, в том числе и в Иркутско-Амурскую. В письме от 14 декабря 1929 г. сообщалось следующее: «Епископу Афанасию и всем старообрядческим общинам епархии, настоящим извещаю, что мною получено от Архиепископа распоряжение, которым обязывает мое смирение поставить в известность вверенные мне приходы о следующем: нами получен Бюллетень-постановление НКВД о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г. Этот закон обязывает верующих в годичный срок, то есть к 1 мая 1930 г., зарегистрировать общины по новому закону. В противном случае храмы будут закрыты. Ввиду чего я считаю долгом довести до сведения Вашего, с получением сего немедленно прошу приступить к исполнению регистрации» [3, с. 135]. Новые регистрационные бланки были разосланы общинам во время очередной перерегистрации вместе с инструкциями относительно ее порядка и настоятельными советами «немедленно начать работу по утверждению Устава, как законного руководства деятельностью общин» [3, с. 151].

На примере процедуры регистрации Градо-Иркутской старообрядческой общины можно проследить, что входило в пакет документов для регистрации общины религиозного культа в 1923 г. Это были: заявление в Иркутский губернский исполком от Совета Градо-Иркутской старообрядческой общины; список лиц, подписавших договор с Иркутским исполкомом на право пользования храмом и всеми богослужебными предметами; Устав общества; опись имущества с оценкой в золотых рублях; список состава избранного совета правления и духовных лиц; договор о передаче в бессрочное бесплатное пользование культовых предметов церкви. Следующим обязательным документом, который предоставляла организация религиозного культа, являлась просьба хозяйственного комитета религиозной организации о созыве общего собрания членов общины с указанием точной даты, времени проведения собрания, а также повестка [7].

Анализ документов подтверждает вывод о том, что большинство старообрядческих общин Белокриницкой иерархии Байкальского региона проявили в процессе регистрации законопослушность и дисциплину. Епископ Афанасий, руководствуясь

прямыми указаниями Архиепископского совета, внимательно следил за выходом в свет новых законодательных актов, своевременно извещал общины об изменениях, разъяснял их смысл, оказывал практическую помощь в их выполнении.

Но наряду с этим в регистрации старообрядческих общин были и сложности. Ее затрудняли изменения в порядке правил заполнения документов, после внесения которых материалы возвращались общинам на доработку. Очень часто изменения касались суммы гербового и канцелярского сбора за бланк. Регистрация общин осложнялась и такими проблемами, как нехватка бланков заявлений и уставов, большие расстояния и плохие коммуникации, поэтому крайний срок регистрации неоднократно переносился.

Первоначально предполагалась закончить регистрацию до 1 августа 1925 г., затем декретом ВЦИК от 1 августа 1923 г. этот срок был перенесен на 1 ноября 1929 г. [12, с. 692]. Поскольку и в эти сроки регистрация закончена не была, президиум ВЦИК постановил продлить ее до 1 ноября 1930 г. [1].

С 1927 г. контроль за исполнением принятого постановления был возложен на органы НКВД, и уже 4 февраля 1927 г. с грифом «совершенно секретно» в Верхнеудинский, Хоринский, Баргузинский, Троицкий административные отделы был выслан циркуляр «О регистрации религиозных групп старообрядцев в БМАССР», в котором сообщалось, что «часть старообрядческого населения БМАССР, в лице своих религиозных объединений, в силу своих вероучений и принципиальных соображений, категорически отказывалась от регистрации религиозных групп и обществ в установленном для всех религиозных обществ порядке. По имеющимся в НКВД сведениям, в данное время у означенной части старообрядческого населения появляется желание зарегистрировать религиозные общества и группы, но они пока воздерживаются от этого по принципиальным, а возможно, и тактическим соображениям, выжидая предложения со стороны местных органов власти» [5, с. 76].

Непосредственный надзор над общинами должны были осуществлять представители милиции, в обязанности которых входило давать «руководящие указания» о порядке организации молитвенных собраний, религиозных шествий, а также присутствовать на этих мероприятиях, просматривать протоколы, вести отдельное наблюдение за руководителями общин и сохранностью культового имущества [6, с. 376].

Хлопоты органов исполнительной власти о наиболее полной регистрации религиозных объединений объяснялись стремлением к «достижению более успешного, полного и точного учета» верующих, необходимого для дальнейшей работы с ними, в осуществлении надзора «за выполнением законов

и постановлений» [5, с. 78], возложенного на губернские исполкомы, административные отделы, милицию, уездные отделы ГПУ и НКВД.

Изменение внутривластного курса советской власти в отношении религии отразилось и на законодательстве, которое приобрело четкую направленность на организацию все больших затруднений религиозной жизни. Одним из механизмов давления на общины стало увеличение налогообложения на имущество, которое создавало материальные трудности и вынуждало их к отказу от содержания культовых зданий и самоликвидации.

Особое место в реализации советской политики по отношению к церкви была «антиколокольная кампания». 15 декабря 1929 г. ВЦИК принял постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквях», вслед за принятым документом на места органами НКВД и НКЮ были направлены разъяснения о допустимости снятия колоколов с церквей без расторжения договоров с общиной верующих.

Согласно «Плану проведения работ по снятию колоколов с церквей г. Иркутска для нужд промышленности», из 128 колоколов 16 городских церквей предлагалось изъять 78, а оставить на своих местах 50. В данный план вошли мероприятия по изъятию колоколов из Покровской старообрядческой общины г. Иркутска от 20 декабря 1930 г. [7]. В старообрядческих селах БМАССР многие храмы сумели сохранить колокола и в 1935 г. [4, с. 78].

Следует отметить, что в начале 1920-х гг. содержание храмов не было чрезмерно обременительным для общин, которые, как и все союзы и объединения, не ставившие задачей извлечение прибыли, арендовали их бесплатно. 19 февраля 1931 г. был издан циркуляр Наркома финансов СССР, закрепивший порядок налогового обложения молитвенных зданий и служителей культа. Согласно принятому циркуляру, затраты общин по содержанию храмов включали: страховые сборы, страховые премии, гербовый сбор, а также оплату госпошлины на проведение общего собрания верующих [7]. Увеличение расходов на содержание культовых зданий в течение 1930-х гг. продолжало расти. В принятом документе давались следующие указания: «Молитвенные здания, предоставленные в бесплатное пользование религиозным обществам, подлежат обложению местным налогом со строений как в городских поселениях, так и в сельских местностях на общих основаниях по ставке, установленной в данной союзной республике для обложения прочих строений. Стоимость означенных зданий для обложения их местным налогом со строений определяется по оценкам Госстраха, причем надлежит учитывать стоимость самих зданий и оборудования и находящихся в них предметов религиозного культа». Также в комментариях к документу разъяснялось, что в случае неуплаты налога

за финансовым отделом остается право требовать срочного погашения задолженности, вместе с выплатой за предстоящий год. Так, старообрядческая община с. Десятниково должна была выплатить налог со строений – 64 руб. 50 коп., земельную ренту – 5 руб. 82 коп., Надеинская старообрядческая община – налог со строений – 48 руб. 56 коп., земельную ренту – 25 руб. 60 коп. [3, с. 77].

Рост налогообложения на культовые здания привел к тому, что многие сельские общины к началу 1930-х гг. задолжали государству по несколько сот рублей каждая. В связи с отсутствием средств не только на капитальный, но и на текущий ремонт, культовые здания стали ветшать. Анализ архивных документов свидетельствует о том, что сохранять храмы могли только те общины, численность и достаток членов которых позволяли собирать необходимые суммы. Например, в селе Тарбагатай 20 июня 1935 г. прихожане одной из старообрядческих церквей в количестве 31 человек собрались для обсуждения вопроса «О заключении договора на содержание церкви и ее ремонт». Собрание постановило: «От заключения договора на содержание церкви отказаться, т. к. не используется в течение 5 лет и в настоящее время служителей нет» [4, с. 127]. Постепенно ввиду малого количества верующих в 1935–1936 гг. были закрыты старообрядческие часовни в с. Никольское, Шаралдай, молельные дома в селах Нижний Жирим, Харитоново, Десятниково и др.

Отмечая динамику закрытия старообрядческих культовых зданий в БМАССР, необходимо указать, что если в 1923 г. в республике был 81 старообрядческий храм, то к 1 января 1930 г. осталось 48. Следует подчеркнуть, что в районах компактного проживания старообрядцев закрытие церквей и часовен приходилось на разные годы. Тарбагатайский район: 1935 г. – 8 зданий, 1936 г. – 1 здание, 2 здания в 1938 и 1939 гг.; Мухоршибирский район: 1936 г. – 2 здания, 1937 г. – 2 здания, 1938 г. – 5 зданий; Бичурский район: 1940 г. – 2 здания [11, с. 267].

Еще одним методом экономического воздействия на религиозные институты было заключение договора о принятии приобретенного ими культового имущества от государства «в бессрочное бесплатное пользование». Данное имущество члены общины обязались беречь, пользоваться им исключительно по назначению, содержать и ремонтировать за свой счет, а также несли за него материальную ответственность. На все полученное в пользование имущество, включая и само молитвенное здание, составлялась инвентарная опись, в которой были указаны наименование, размер каждого предмета, материал, из которого он сделан, а также его примерная стоимость.

В оценке богослужебных предметов – икон, книг, креста и т. д. – местные власти, как правило, ориентировались на стоимость материала и степень

его сохранности, без учета исторической и культурной ценности этих вещей. Поэтому основной материальной ценностью старообрядческих общин, естественно, становились культовые здания: храмы, моленные, часовни.

Стоимость же содержавшихся в них богослужбных предметов в описях райисполкомов указывалась минимальной. Например, старообрядческая церковь с. Тарбагатай, представлявшая собой здание из 5 стен, с железной крышей, оценивалась в 3 238 руб. Многие старообрядческие храмы и моленные имели колокольни.

Особый интерес вызывает опись имущества Покровской старообрядческой церкви г. Иркутска. Список культового имущества без самого здания церкви включает 160 позиций, размещен на 8 листах печатного текста, с оценкой имущества на сумму 6 332,2 руб. Здание церкви деревянное, одноэтажное, оштукатуренное внутри и снаружи, крыша крыта железом – 30 кв. саж., с 2-мя печами и на куполах два креста – 2 500 руб. Площадь 408 кв. м. Вес колоколов – 7 500 кг бронзы [9].

Таким количеством колоколов располагали немногие старообрядческие общины: как правило, у сельских храмов и моленных их число не превышало одного-двух. Вес колоколов, достигавший 5–7, а то и 12 пудов, должен был указываться в инвентарных описях в целях регулирования местными властями колокольного звона.

В целом сельские старообрядческие храмы и молитвенные дома не отличались богатством. Можно согласиться с мнением И. В. Куприяновой относительно того, что именно это обстоятельство позволило староверию избежать репрессий большевистского государства, связанных с массовым изъятием церковных ценностей, ввиду отсутствия у них таковых [10, с. 44].

О том, что старообрядческие общины бережно хранили культовое имущество, свидетельствуют протоколы ревизий, которые, как правило, фиксировали его наличие и сохранность. В качестве примера можно привести акт ревизии культового имущества и «правильности пользования им» Покровской Градо-Иркутской старообрядческой общины, в котором «при сличении с описью имущество оказалось все налицо» [8]. Тем не менее, у исполнительных органов возникали претензии к старообрядческим общинам по поводу отсутствия документации по учету вновь поступавших предметов культа на основании того, что, будучи переданными в храмы, они автоматически становились государственной собственностью. Так, в акте от 13.08.1927 г., составленном в присутствии участкового надзирателя 3-го отделения Иргорсовета т. Жукова, в присутствии старосты старообрядческой Покровской старообрядческой общины Азеева Мефодия Ивановича, председателя общины Щербаква Лаврентия Зиновьевича и свя-

щенника Пучкова Антония Андреевича, «...произвели ревизию документации, на основании чего было зафиксировано, что книга учета денежных сумм пожертвований совершенно не имеется» [7].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в 20–30-е гг. XX в. властью была создана жесткая система выявления, учета религиозных объединений и надзора над старообрядчеством посредством регистрации общин, включения их в правовые взаимоотношения с государством. Изменения, внесенные в законодательство о культурах декретами и постановлениями советской власти вынуждали верующих идти по пути легализации своей деятельности и придания законного статуса своим религиозным объединениям. В этот период такая тактика государства не наносила заметного ущерба старообрядческим общинам, но, вместе с тем, способствовала установлению контроля над ними и вмешательству в их внутреннюю жизнь.

Старообрядческие общины в процессе регистрации вынуждены были жертвовать своей традиционной замкнутостью и закрытостью религиозно-общественной жизни, а это вызывало сомнения в совместимости основ «христианского вероисповедания» и сотрудничества с властью, побуждало староверов тщательно продумывать последствия своих шагов.

Литература

1. Бюллетень НКВД, № 261, 1924, 23 июля.
2. Васильева С. В. Восстановление церковной соборности старообрядчества в контексте институциональных трансформаций XX–XXI вв. В: Вестник Бурятского государственного университета / Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. Вып. 7: История.
3. Васильева С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья. Улан-Удэ, 2007.
4. Васильева С. В., Буреаева С. В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
5. Васильева С. В. Конфессиональный корпоративизм и соборность старообрядцев в Байкальском регионе. В: Гуманитарный вектор (Чита), № 3 (27), 2011.
6. Васильева С. В. Старообрядческие общины Байкальского региона в период «воинствующего атеизма». В: Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России. Сб. науч. ст. (Улан-Удэ, 27–30 июня 2011 г.). Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2011.
7. ГАИО, ф. Р-504, оп. 5, д. 64. Материалы о ликвидации Покровской церкви, л. 14, 33, 39, 46.
8. ГАИО, ф. 504, оп. 5, д. 342. Материалы о закрытии Покровской старообрядческой общины, л. 64.
9. ГАИО, ф. 504, оп. 5, д. 367. Список церквей с оценкой зданий г. Иркутска 1937 г., л. 6.
10. Куприянова И. В. Старообрядцы Алтая в первой трети XX в. Барнаул, 2010.

11. Петров В. Л. Некоторые вопросы ликвидации культовых сооружений старообрядцев Забайкалья в 30-е гг. XX в. В: История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Ч. 2. Улан-Удэ. 2007.

12. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР, № 37, 1923.

References

1. Byulleten' NKVD, № 261, 1924, 23 iyulya.
2. Vasil'eva S. V. Vosstanovlenie tserkovnoy sobornosti starobryadchestva v kontekste institutsional'nykh transformatsiy XX–XXI vv. In: Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta / Feder. agentstvo po obrazovaniyu, Buryat. gos. un-t. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010. Vyp. 7: Istoriya.
3. Vasil'eva S. V. Vlast' i starobryadtsy Zabaykal'ya. Ulan-Ude, 2007.
4. Vasil'eva S. V., Buraeva S. V. Irkutsko-Amurskaya eparkhiya: 100 let v istorii drevlepravoslaviya. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2012.
5. Vasil'eva S. V. Konfessional'nyy korporativizm i sobornost' starobryadtssev v Baykal'skom regione. In: Gumanitarnyy vektor (Chita), № 3 (27), 2011.
6. Vasil'eva S. V. Starobryadcheskie obshchiny Baykal'skogo regiona v period «voinstvuyushchego ateizma». In: Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya narodov i tsivilizatsiy: k 350-letiyu prisoedineniya Buryatii k Rossii. Sb. nauch. st. (Ulan-Ude, 27–30 iyunya 2011 g.). Ulan-Ude;

Irkutsk: Ottisk, 2011.

7. GAIO, f. R-504, op. 5, d. 64. Materialy o likvidatsii Pokrovskoy tserkvi, l. 14, 33, 39, 46.

8. GAIO, f. 504, op. 5, d. 342. Materialy o zakrytii Pokrovskoy starobryadcheskoy obshchiny, l. 64.

9. GAIO, f. 504, op. 5, d. 367. Spisok tserkvey s otsenkoy zdaniy g. Irkutsk 1937 g., l. 6.

10. Kupriyanova I. V. Starobryadtsy Altaya v pervoy treti KhKh v. Barnaul, 2010.

11. Petrov V. L. Nekotorye voprosy likvidatsii kul'tovyykh sooruzheniy starobryadtssev Zabaykal'ya v 30-eg. XX v. In: Istoriya i kul'tura semeyskikh Zabaykal'ya: khrestomatiya. Ch. 2. Ulan-Ude. 2007.

12. Sbranie uzakoneniy i rasporyazheniy Raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR, № 37, 1923.

Svetlana Vasilieva (Ulan-Udă, Federația Rusă). Doctor habilitat în istorie, conferențiar, director al Bibliotecii Științifice, Universitatea de Stat din Buriatia.

Светлана Васильева (Улан-Удэ, Российская Федерация). Доктор исторических наук, доцент, директор Научной библиотеки, Бурятский государственный университет.

Svetlana Vasilyeva (Ulan-Ude, Russian Federation). Habilitation in Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Scientific Library, Buryat State University.

E-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Constantin ȘIȘCAN

TRANSFORMAȚIUNILE PERSONALITĂȚII ÎN CIRCUMSTANȚELE DE CONTINUĂ SCHIMBARE A LUMII (ÎN BAZA PROZEI RUSE DE LA ÎNCEPUTUL SECOLULUI AL XXI-LEA)

Rezumat

Transformațiunile personalității în circumstanțele de continuă schimbare a lumii (în baza prozei ruse de la începutul secolului al XXI-lea)

În articolul de față sunt studiate lucrările prozatorilor ruși din Republica Moldova prin prisma transformațiilor personalității în circumstanțele lumii contemporane. Analizând eroii mai multor opere, autorul îi definește drept niște „actori” care joacă viața pe scena personală sau socială. Jocul este principiul de bază care conceptualizează structura societății, începând de la relațiile interpersonale până la economia globală în care mizele sunt materializate după un scenariu prescris. Tehnologizarea intensă a lumii, computerizarea vieții și a conștiinței ne fac simpli utilizatori într-un joc regizat din exterior. Această tendință nu poate decât să detașeze omul de la natură, să-i manipuleze rațiunea și să devină un element neînsemnat în sistemul de colonie. Pentru a-și elibera conștiința, omul trebuie să-și restabilească relațiile armonioase cu natura, să controleze

tehnologizarea lumii și să respecte principiul ecoetic.

Cuvinte-cheie: transformațiunile personalității, prozatori ruși din Republica Moldova, joc, principiul ecoetic.

Резюме

Трансформация личности в условиях меняющегося мира (материалы экоэтических исследований, отраженные в русской прозе начала XXI в.)

В данной статье проанализированы работы авторов русской прозы начала XXI в. через призму трансформаций личности в условиях меняющегося мира. Изучив героев различных произведений, автор определяет их как «актеров» на сцене личной и социальной жизни. Игра – главный принцип, который структурирует общество, начиная от межличностных отношений и до мировой экономики, где ставки принимают материальную форму по predetermined сценарию. Интенсивная технологизация мира приводит к отрыву человека от природы, манипулирует